

Акмеологические доминанты творчества Л.Д.Наливайко

Шкор Л.А.
кандидат искусствоведения

Французский философ-материалист Дени Дидро (1713 – 1784) писал о том, что от искусства ждут нравственных уроков, и с течением времени вопрос духовно-нравственного совершенствования личности приобрел еще большую остроту. Именно в искусстве отразилась многоликость перемен, сопровождавших поиск совершенства, несмотря на политические, экономические, социокультурные катаклизмы двух прошедших столетий. Выявление новых граней произведений искусства, раскрытие творческой индивидуальности их авторов способствовало обновлению исследований в области искусствоведения, усилило междисциплинарный синтез гуманитарных наук (философии, культурологии, психологии, акмеологии и т.д.) [1, 19]. Научное осмысление проблемы психологических предпосылок творческого становления и последующего достижения профессиональной зрелости связано именно с акмеологической проблематикой.

В творческих работах белорусской художницы Л.Д.Наливайко (р.1940 г.) преобладает особенное, трепетное отношение к истории родного края, к красоте повседневности, к внутренней гармонии, которые отражают доминанты мировосприятия автора. Так, например, глубоким лиризмом и светлой ностальгией наполнены графические работы «Трубят трубы городецкие» (1968), «Гродно» (1967), «Гродно. Мост» (1968), «Мой старый дворик» (1990), «Волшебный уголок. Гродно» (1992). В них автор воссоздает образы любимого города, трепетное отношение к которому преломляется сквозь призму красочных и мимолетных воспоминаний детства, наполненных светом и теплом.

Солнечным светом и мажорными возгласами труб наполнена линогравюра «Трубят трубы городецкие»: ее уникальность заключается в эмоциональном сближении столь несхожих видов искусства – живописного и музыкального. Словно отзеркаливая бетховенскую «Оду к радости» (точнее, финал Девятой симфонии), опираясь на специфичность выразительных средств графики, художница создает своеобразную оду солнцу. И спиралевидные линии, образующие солнечный диск, прихотливо переплетаются с изображением призывного клича труб, которые также как бы описывают круг в руках музыкантов, подчиняясь их стремлению наполнить звучанием окружающий мир. Таким образом, Л.Наливайко подчеркивает графическую выразительность спирали, которая отражает внутреннее саморазвитие круга. Прихотливая игра линий, образующих круги и спирали, подчеркивает их «склонность к метаморфозам» [2, 128] через многократные повторения, которые усиливают семантику круга как символа вечного движения и постоянного

обновления. Мотив кружения повторяется и через изображение природы, выполненное как орнамент. И вместе с тем линогравюра обладает несомненной «устойчивостью» композиции, которую обеспечивает вторжение квадрата – изображение элемента деревянной стены оборонительного сооружения (вкупе с изображением воинов). Таким образом, квадрат также приобретает «склонность к метаморфозам»: направляя взгляд зрителя в нисходящем движении, к изображению воинов, он усиливает ощущение неприступности крепостных стен, а скольжение взгляда вверх композиции, подчеркивает семантику квадрата как скрытое указание на стороны света, на стремление воспеть красоту Гроденщины.

Образной характеристике линогравюры «Гродно», созданной Л.Д.Наливайко, наиболее точно подходит определение «эпичность» – многовековая история города величественно и неторопливо разворачивается в панорамном изображении. Художница любовно воссоздает высокие холмы, где сливаются Неман и Градничанка, шпили и купола известнейших памятников гродненской архитектуры – Борисоглебской (Каложской) церкви (XII в.), кафедрального костела св. Франциска Ксаверия (XVII в.), Нового замка (XVIII в.). Одухотворенная пейзажность и лирическое настроение, отраженные на линогравюре, подчеркивают ее своеобразную музыкальность, изображение *разворачивается* во времени, подобно музыкальному произведению. Столь же трепетным отношением к отечественной истории проникнута гравюра «Каложя», на которой изображена Борисоглебская церковь, объявленная (вместе с комплексом памятников на Замковой горе в Гродно) историко-археологическим заповедником.

Эпичность присуща и еще одной графической работе Л.Д.Наливайко – «Деревенская свадьба» (1969 г.), в образном содержании которой ощутимы несколько драматургических доминант: фигуры жениха и невесты, олицетворяющие новый жизненный цикл человека, изображение в окне дома старшего поколения, провожающего взглядами молодых, детей, выбежавших за ворота. И вновь использование семантики круга подчеркивает извечное движение времени (и восприятие осени одновременно как начала, и как итога). Отметим также неожиданное сатирическое вторжение реальности в атмосферу праздника (в духе Марка Шагала), выраженное в изображении трех фигур на заднем плане: две женщины уводят со свадьбы сильно захмелевшего и сопротивляющегося гостя. Отличительной чертой «Деревенской свадьбы» является колоритность вышеотмеченного комплекса жанровых зарисовок, которые стали интересными акцентами, наполненными гравюрой жизнеутверждающим настроением. Таким образом, данное художественное произведение начинает функционировать во временных рамках, так как практически каждый его образ приобретает свою смысловую кульминацию, которая в целом соответствует названию «Деревенская свадьба»; ведь для того, «чтобы картина [изображение –

примечание наше] стала понятной зрителю, необходимо «исполнить» ее, подобно музыкальному произведению» [3, 243].

Трепетным вниманием к пространству повседневности проникнута акварель «Интерьер» (1972 г.). Тонкая меланхоличность изображения подчеркнута не только полупрозрачностью красок, но изображением девушки, которая стоит у окна, прижимая к себе скрипку. Легкую размытость отображения предметов интерьера подчеркивает зонтик, стоящий в лужице воды. И этим минорным интонациям акварели словно сопротивляется портрет, выполненный в теплой гамме, на котором изображена скрипачка в детском возрасте. И кажущаяся минорность изображения вдруг становится мимолетной – ведь фигура девушки у окна изображена не поникшей, а погруженной в созерцание, ее голова поднята вверх, словно она вслушивается в шум дождя. А смычок в ее правой руке словно превращается в дирижерскую палочку, готовую задать новое звучание-настроение акварели. Сама автор, Л.Д. Наливайко, рассказывая о созданных произведениях, охарактеризовала «Интерьер» по-другому – «Девочка со скрипкой», придавая своей работе иное эмоционально-образное настроение. Эта работа является ярким примером именно *чувственного постижения* красоты повседневности, во всей многоликости ее проявлений, осознаваемых сквозь призму творчества.

На примере нескольких работ, созданных белорусской художницей Людмилой Дмитриевной Наливайко, мы видим, как богатство национальной культуры преломляется через призму личного мироощущения автора. Одной из важнейших акмеологических доминант ее творчества является переосмысление впечатлений детства через прикосновение к образам и истории города Гродно, счастливое обретение в них творческого вдохновения и внутренней гармонии. Неустанное восхищение красотой окружающего мира, стремление отразить в искусстве его многоликость (росписи по шелку «Элегия холмов» (1990 г.), «После дождя» (2002 г.), «Серебряный напев» (2005 г.) и «Ночь в молниях» (2005 г.)) стали своеобразными ценностными ориентирами на пути профессионального совершенствования Л.Д. Наливайко. Особо подчеркнем, что научное осмысление произведений искусства, созданных современными белорусскими художницами, характеризуется постоянно возрастающей актуальностью, что обусловлено интересом белорусского общества к деятельности женщин в целом.

Список использованных источников:

1 Прокопцова, В. П. Компаративное искусствоведение как отражение процесса интеграции искусств / В.П. Прокопцова // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: материалы междунар. конф., Гродно, 25-26 марта 2004 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т; редкол: У. Д. Розенфильд (отв. ред) [и др.]. – Гродно, 2004. – Ч. 2. – С. 18 – 22.

2 Даниэль, С.М. Сети для Протея: Проблемы интерпретации формы в изобразительном искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 304 с.

3 Даниэль, С.М. Сети для Протея: Проблемы интерпретации формы в изобразительном искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 304 с.